

ницы Высших женских курсов в Москве), в редакционном предисловии по поводу статьи Л. Кохновой. Характерны также для Достоевского-публициста нападки по адресу «псевдолиберальной печати» и уверения, что он не боится прослыть «ретроградом» в глазах либералов, отстаивая свою оригинальную точку зрения на женский вопрос (ср., например, статьи «Наши студентки» и «Две заметки редактора»).

Приведенные аргументы, как мы думаем, дают возможность предположить, что Достоевский явился автором редакционных предисловий к статье Л. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина“: „К делу!“ и «Наши студентки».

Л. Р. ЛАНСКИЙ

БЕЛЬГИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ДОСТОЕВСКОМ

Незадолго до первой мировой войны московская переводчица М. В. Веселовская обратилась к ряду виднейших бельгийских писателей, поэтов и критиков с просьбой ответить на следующие четыре вопроса: «Какое место занимает Достоевский в мировой литературе?», «Какие произведения Достоевского вы читали и какие предпочитаете?», «Какие характеры из произведений Достоевского вы считаете наиболее выдающимися?» и «Оказывал ли Достоевский влияние на бельгийскую литературу?»

Четырнадцать писем бельгийских литераторов, отозвавшихся на эту анкету, сохранилось в архиве А. Г. Достоевской (Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве) вместе с пояснительной заметкой Веселовской, по видимому подарившей их Анне Григорьевне для обогащения ее коллекции автографов.

В неизданных автобиографических записках М. В. Веселовская подробно рассказала о своем знакомстве с известным бельгийским романистом Иваном Жилькеном.

«Жилькена очень интересовала Россия и русская жизнь, — писала она, — он многое читал о России, написал свою пьесу „Русские студенты“, где вывел студентство без всяких грубых ошибок. „В течение многих лет Россия глубоко интересует меня, — говорил он мне не раз, — своими большими талантами, как Тургенев, которого я люблю с детства, как Толстой и Достоевский, сочинения которых увлекают меня уже лет двадцать“. <...>

У Жилькена можно было встретить весь литературный мир Бельгии: здесь бывали и журналисты, и редакторы, и католики-поэты, и фламандцы-националисты, и чиновники-адвокаты, занимающиеся литературой. У Жилькена я встречала очень многих поэтов и романистов, — со многими очень подружилась, в свою очередь бывала и у них. <...>

Когда мне вздумалось произвести анкету в 1913 году между ними, чтобы узнать, как относятся они к Достоевскому, Жилькен во многом был мне полезен. И сама мысль проделать эту анкету пришла мне в голову у него в кабинете, — так как сколько раз, когда мне приходилось беседовать у него с бельгийскими писателями, разговор непременно переходил на Россию и на Достоевского. „Расскажите нам о вашей стране, мы ничего о ней не знаем, — говорили они, — а между тем она создала Достоевского“. И всегда, кто бы из писателей или художников этой маленькой страны ни высказывал интереса к России, к русскому искусству и русской литературе, все упоминали в разговоре Достоевского. Помнится, у Жилькена в кабинете, при его помощи, я составила главные вопросы, которые ставила в анкете, и тот список писателей, к которым мне необходимо было обратиться. <...>

Из друзей Жилькена, разумеется, выше всех стоял и внушал больше всех интереса к себе Эмиль Верхарн, мировой поэт и такой простой, милый в жизни. Я видела его несколько раз у Жилькена, — видела его и в Москве, в его приезд, когда он попросил меня приехать к нему поведаться в Кокоревскую гостиницу на Софийской набережной, — и должна была с Жилькеном поехать к нему в его Caillois-qui-bique, если б не война и не мой внезапный отъезд ночью из Брюсселя.¹

Ответ Верхарна на анкету Веселовской красноречив и патетичен:

«Я глубоко уважаю Толстого и благоговею перед ним; я благоговею перед Достоевским и люблю его. Первый кажется мне могущественнейшим создателем романов и драм; он литературный зодчий и художник; он обладает циклическим воображением; он громоздит и группирует общество своего времени уверенной и мощной рукой.

Другой же делает вам роднее каждое человеческое существо — подобное ему, подобное вам. Он возвышает подонки общества и впавших в нищету, склоняясь над ними с преисполненной достоинства жалостью. Характеры он постигает до самых сокровенных глубин смятения и безумия, которые несет в себе каждый пылкий и страстный человек; он неутомимый аналитик, но он и умиленный наблюдатель; в одно и то же время совершает он труд *ангела* и *палача*. Вот почему он мне кажется единственным в своем роде.

¹ ЦГАЛИ, ф. 80.41, л. 192—197. — Ответ И. Жилькена на анкету о Достоевском не сохранился — скорее всего, его и не было. В письме Жилькена к Веселовской от 19 мая 1914 г. мы находим следующие строки: «Вы хотите интервьюировать меня насчет моего отношения к Достоевскому? Я с удовольствием выскажу вам все то живое восхищение, которое к нему питаю. Это будет прекрасным поводом для беседы, ибо я вас проинтервьюирую в свой черед» (Архив Института мировой литературы им. А. М. Горького, ф. 159.3.28). — Здесь и далее переводы с французского сделаны автором статьи.

Из всех его романов меня всего более пленяют „Братья Карамазовы“. Конечно, волновали и до сих пор волнуют меня „Преступление и наказание“, „Идиот“ и монотонные, но хватающие за душу „Записки из Мертвого дома“, в которых словно ничего нет, кроме хроники происшествий, но где каждый штрих — штрих офорта.

Однако „Братья Карамазовы“, благодаря характерам Ивана и Смердякова, примыкают, как мне кажется, к великому племени персонажей Шекспира и Бальзака. Это трепещущее и окровавленное человечество; это сверхострая патетика; это ясновидение, прозревающее все — сквозь мглу и ночь.

Эмиль Верхарн.²

Письмо известного романиста, поэта и литературоведа Ф. Элленса, высоко ценившегося А. М. Горьким (его другом и корреспондентом), также принадлежит к числу наиболее значительных высказываний о Достоевском, собранных Веселовской:

«Из всех русских писателей Достоевский, вероятно, меньше других испытал на себе европейское и, в частности, французское влияние. <...> Быть может, именно в этом и заключается основная особенность творчества Достоевского; оно прежде всего и *исключительно* русское. <...> И, по моему мнению, прежде всего и в первую очередь Достоевский воплощает в себе душу русского народа. <...>

Книги Достоевского стали моим излюбленным чтением с молодых лет. Я люблю его и горячо восхищаюсь этим писателем; я вижу в нем одного из самых великих, гениальных романистов всех литератур. Его можно поставить в один ряд с Бальзаком за живое воспроизведение характеров; полагаю, однако, что Достоевский выше его в анализе душевной жизни.

Огромную оригинальность романам Достоевского придает их *психологическая глубина*. Никто до него не отображал человеческую душу так правдиво, так отчетливо и точно. Его психология не имеет ничего общего с тем, что наши романисты — так называемые „психологи“ — внесли в свои произведения. Когда Достоевский знакомит нас с каким-нибудь характером, он обнажает

² Французский оригинальный текст опубликован: Culture et la Vie, 1957, № 6; ср.: Литературная газета, 1944, 9 февраля. — Посылая этот отзыв о Достоевском, Верхарн писал Веселовской 8 марта 1916 г.:

«Дорогая мадемуазель,

Вы просите у меня письменного интервью. Мне очень хотелось бы дать вам его, но у меня нет времени, чтобы слишком распространяться на эту тему. Пишу вам две странички ответа о Достоевском и в то же время о Толстом.

Хотелось бы, чтоб они вас удовлетворили. <...>

Я не получал письма, на которое вы намекаете» (Архив Института мировой литературы им. А. М. Горького, ф. 159.3.13).

его, приводит в движение, выставляет напоказ и выворачивает для нас наизнанку глубины его души; он заставляет его жить, обходясь без сухих описаний. И в то же время на фоне всех этих картин постоянно чувствуется писатель, преисполненный жалости, испытывающий страдание от реальности описываемых им психологических междоусобиц. Психологическая правда его характеров так глубока и в то же время так страшна, что романы его приобретают нечто фантастическое, галлюцинирующее, экзальтирующее, и это поистине хватает вас за душу. <...>

Мне хочется еще сказать о его *интересе к европейским делам*. Мало кто из нас знает Достоевского с этой стороны, ибо лишь немногие прочли „Дневник писателя“, который, однако, по моему мнению, гораздо более интересен для понимания автора, чем, например, „Дневник“ Гопкуров, которому у нас придавали столь большое значение. Во Франции одна только „Переписка“ Флобера, по моему, в равной степени интересна. Это произведение Достоевского показывает нам человека, в полной мере находящегося в курсе всех европейских дел — политических и прочих; он обзвевает их, критикует, представляет их нам с ясновидением психолога, с оригинальностью поватора — и это особая манера, заключающаяся в желании примирить различные мнения, противопоставить им русский, в высшей степени гуманный идеал; он ищет возможную точку сращения не согласных между собою мнений, зарождающихся и развивающихся в Европе на его глазах.

Эту сторону я нахожу очень интересной в Достоевском и рассматриваю его „Дневник“ как плод могучей мысли.

Вы спрашиваете меня, какие произведения Достоевского я предпочитаю. Ответить вам мне нелегко. Я люблю их все. Скажу вам только об одном из тех произведений, которые меня больше всего взволновали, — о „Братьях Карамазовых“. Лучшее его произведение, по моему, — „Преступление и наказание“, хотя я питаю слабость к „Carnet d'un Inconnu“ («Селу Степанчикову», — Л. Л.) и к „Etapes de la Folie“ («Нечетке Пезвановой», — Л. Л.), от которых у меня вставали дыбом волосы. Позвольте мне, однако, признаться, что в творчестве Достоевского я не нахожу ничего более захватывающего, более глубоко впечатляющего, чем те отдельные, разрозненные главы „Дневника“, в которых он говорит о некоторых наимумевших судебных процессах — таких, как процесс Джунговского и его детей или дело Каировой и т. д. Эти страницы отличаются поразительной глубиной анализа. В них предстает вся основа его изумительно пропитательного искусства, там различаешь также с еще большей ясностью метод писателя, умеющего схватить факт человеческого существования, какую-нибудь драму, и извлечь из нее психологическую суть, развивающуюся истину. Страницы эти менее известны; это словно эскизы великих живописцев, передающих крупными мазками пожирающий их огонь. Это и образцы редкой пропитательности: никогда ни один судебный следователь не до-

стигал подобной степени ясности. Я очень люблю и его *переписку*, в которой так прекрасно обрисовывается человек!

Оказал ли Достоевский влияние на бельгийскую литературу?

Позвольте мне с полной искренностью ответить на этот вопрос. Я лично считаю, что никакого влияния на нас он не оказал. И вызвано это двумя обстоятельствами.

1. Во-первых, как я сказал уже, Достоевский по преимуществу русский писатель. И более того, это *психолог*. Так вот, на свете нет ничего в меньшей мере психологического, чем наша бельгийская литература. Наши поэты и романисты — колористы; это описатели, и они гораздо лучше рисуют пейзажи, чем лица <...>

2. Затем находят, что в сочинениях Достоевского очень мало литературных образов, словесной поэзии, мало красок, стилистических находок. Его стиль прост, он лишен кокетства, по временам жесток; в нем нет искусственности. Бельгиец же, наоборот, очень большой лакомка в отношении художественности письма, стилистического колорита, новых образов. В то время как поэзия произведений Достоевского лежит *в самой сути*, у нас поэзию видят преимущественно *в форме*.

Я думаю, что Горький оказал на нас гораздо большее влияние — например, на Экаута, которого называли „бельгийским Горьким“. Я же нахожу влияние Достоевского у отдельных французских писателей — таких как Гонкуры, Клодель, и у некоторых более близких к нам по времени — у Люсьена Жала («Среди людей») и Шарля-Луи Филиппа. Есть еще один француз, лучше всех понявший Достоевского, — это Сюарес («Достоевский»).

Сходную мысль высказал в письме к Веселовской известный критик и эссеист Л. Дюмон-Вильден — «глубокий и пронизательный знаток современной жизни и искусства», как характеризовали его в бельгийских биографических словарях.

«По моему убеждению, — писал он Веселовской, — Достоевский почти не оказал влияния на творчество бельгийских писателей, ибо литература в Бельгии имеет в общем скорее описательный, нежели психологический характер. Если, при особом старании, и можно обнаружить некоторые следы влияния Достоевского в отдельных романах Камилла Лемонье или Жоржа Экаута, то польза не заметить, что влияние это могло сказаться на них лишь через французскую литературу».

«Полагаю, что место, занимаемое Достоевским в литературе, огромно, — отвечал Дюмон-Вильден на первый вопрос анкеты. — Это один из тех незаменимых писателей, которые, как Мольер, Шекспир или Бальзак, открыли новые горизонты для познания человеком человека. Это один из тех литературных феноменов, которые далеко переступают через границы национальной литературы. <...> Достоевский фактически открыл для аналитиков человеческой души совершенно новые перспективы. <...>

Достоевский, вероятно, первый романист, давший нам возможность проникнуть в область бессознательного или полусознательного. Это придает его персонажам то жизненное богатство и силу, которые показались вначале французской публике простым результатом причудливого характера его произведений. В нем слишком долго видели лишь экзотического сочинителя особого рода, живописателя некоей русской души, еще наполовину варварской и сильно отличающейся от западной души. Более углубленное и вдумчивое чтение произведений этого великого русского писателя показывает, однако, что эти странности не что иное, как новаторство; что, помимо различия в нравах и в оттенках, помимо особенностей национальной восприимчивости, эти персонажи, столь глубоко русские, просто глубоко человечны. Кто их узнал — уже забыть не сможет; они заняли заметное место в духовной жизни человечества, и их обязаны знать как психолог-профессионал, так и художник.

Я не знаю всех произведений Достоевского: мне недостает поэтому некоторых элементов для сравнения. К тому же, предпочтение одного писателя другому носит, как правило, совершенно личный характер. Однако русским, может быть, интересно будет узнать, что именно в сочинениях их великого романиста особенно живо поражает иностранца, и поэтому я сообщу вам, что два романа Достоевского на меня произвели особенно живое впечатление, — это „Идиот“ и „Братья Карамазовы“.

Отрицал влияние Достоевского на бельгийскую литературу и известный поэт и романист М. Дезомбье. «Творчество Достоевского, — замечал он в письме к Веселовской, — как мне кажется, приобретает еще большее величие в наше грозное время, когда нервы напряжены до ожесточения. Теперь я гораздо лучше понимаю его растерянных персонажей, видя смятение, вносимое в умы физическими и нравственными несчастиями. Ныне мы словно обесчеловечились. Это делает для нас более близкими те неуравновешенные личности, которых великий романист описал с несравненным искусством».

«Я полагаю, — заключал Дезомбье, — что Достоевский, которым сильно восхищаются в Бельгии, не оказал на бельгийскую литературу большого влияния...»

По мнению же известного критика и искусствоведа О. Моса, Достоевский оказал в Бельгии «влияние на целое поколение».

Беллетрист и критик Ж. Арри писал Веселовской из Парижа 29 января 1916 г.:

«По моему мнению, Достоевский должен быть помещен среди величайших романистов XIX столетия, поскольку вместе с Толстым, Бальзаком, Золя и Дж. Элиот он принадлежал к числу тех, кто одухотворил роман, придав ему высокую и благородную миссию социального, философского и, можно сказать, почти евангельского характера в наименее узком значении этого слова.

В русской литературе, как мне кажется, он достоин помещен почти в том же ряду, что и Толстой, — выше Тургенева. <...>

Достоевский, по моему мнению, особенно русский писатель. <...> Из его творений я предпочитаю не роман „Преступление и наказание“ (столь же популярный, однако, в Бельгии, как и во Франции), а „Бедных людей“ и „Униженных и оскорбленных“, которые свидетельствуют о гуманном сострадании его к обездоленным и выражают доброту человека, испытывающего радость от сознания, что он страдал, дабы постичь страдание, и наслаждающегося своей жертвенностью с упоением, подобным тому, которое, должно быть, испытывал на Голгофе Христос.

Оказал ли он какое-либо влияние на бельгийскую литературу?.. Без всякого сомнения, это влияние испытали на себе некоторые первоклассные писатели школы „Молодой Бельгии“. Русская литература, по правде говоря, была известна им лишь из вторых рук — по французским переводам, введенным в моду лет тридцать тому назад выдающимся ученым виконтом Мельхиором де Воюэ. Но влияние это вызвало у нескольких писателей — особенно у Ивана Жилькена, Верхарна, Жоржа Экаута — нравственную эволюцию, которая отразилась в их последующих, самых недавних произведениях. Эти писатели, вначале романтически очарованные Бодлером и Полем Верленом — в особенности Достоевским, как только познакомились с ним и с его трагическими блужданиями. По вместо болезненного влияния, которое частично оказывало на них творчество Верлена и автора „Цветов зла“, они нашли у Достоевского нежность и веру, примиряющую с жизнью, и они с радостью погрузились в это творчество, словно в свежую воду ручья. Особенно отчетливо заметна эта перемена у Ивана Жилькена — автора „Ночей“ и „Русского студента“. <...> Почти то же мы видим у Верхарна, чьи первые стихотворения исполнены отчаяния; ощутив веяния, долетавшие из Америки и России, он преобразился в восторженного певца красоты вещей и живых существ. В философии „Сокровища смиренных“ Метерлинка можно, конечно, найти отдельные поэтические впечатления от чтения Достоевского; на болезненном авторе „Жарких терлиц“, в двух романах Жоржа Экаута, проникнутых состраданием к простым и обманутым судьбой, и даже восхищением ими, замечаются следы Достоевского; в них и сам автор, без сомнения, признался бы, хотя вся его мысль и весь его дух впушены ему великими бельгийскими драматургами и писателями века Елизаветы».

Из письма критика М. Вильмота от 14 апреля 1916 г. (Париж):

«К гению Достоевского я отношусь с глубочайшим и искреннейшим восхищением. Из всех русских писателей именно его я читал с наибольшим вниманием и неслабевающим восторгом. <...> Мне было бы трудно уточнить, поскольку я нахожусь здесь без своих книг и заметок, каково было его влияние в Бельгии.

Тем не менее творения таких писателей, как Верхарн, несут на себе, как мне кажется, непосредственный и глубокий отпечаток смятения, внесенного в великую душу поэта картинами автора „Записок из Мертвого дома“. И у многих других бельгийцев, у Жилькена и лескомских наших новейших писателей, в том числе у оплакиваемого нами Анри Дево, можно легко констатировать то же влияние. <...>

Второй пункт потребовал бы изучения, за которое я не могу здесь взяться. Но мне достаточно сказать вам, что из всех характерных черт его искусства, как мне кажется, особенно полно соответствует стремлениям французской души неутолимая и исполненная пламени вера, еще несущая на себе ужасные ожоги реальности, — вера в солидарность людей, которых объединяет страдание — как причиненное негодностью социального строя, так и вызванное расшатанностью нервов, от которой так страдало последнее поколение — поколение людей, достигших теперь своего сорокалетия...»

Поэт Ф. Северен — «лирик, певец природы, одиночества, любовных переживаний», по характеристике Веселовской, — сообщает в недатированном письме из Англии:

«... Лет двадцать пять тому назад я прочел „Преступление и наказание“. Это почти единственное произведение Достоевского, прочтенное мною. С волнением нашел я там слова ту религиозно-человеческого страдания, которую уже исследовал наш Виньи. И я был особенно взволнован одной странной сценой, когда герой романа становится на колени перед проституткой, словно перед воплощением всего человеческого страдания (верно ли я передаю свои воспоминания?). Я даже написал в это время стихи, отразившие сильное воздействие этой сцены. Но этот факт не имеет значения.

И все же я гораздо больше читал Толстого. Достоевский казался мне лихорадочно возбужденным, больным, неровным, будоражащим; здоровья, ясности, царственного самообладания слишком недостает, казалось мне, этому восхитительному гению...»

«Я глубоко сжился с Достоевским, — писал Веселовской из Лондона художник и литератор Ж. Бошер. — И однако до сих пор не знаю, что собой представляет этот ясновидец».

Анализируя характер князя Мышкина, который, по мнению Бошера, «предстает перед нами, возможно, более великим и цельным, чем сам Христос», автор письма заключает: «Если русские таковы, какими их показывает Достоевский, то нет на свете людей, которых я люблю больше, чем их...»

«Какое место занимает Достоевский в литературе? — писал Веселовской из Англии 20 мая 1916 г. романист А. Торс. — Одно из самых первых, это не подлежит сомнению, и в ряду величайших мастеров всех школ и всех времен. <...> И это было бы верно даже в том случае, если бы он не написал ничего, кроме той главы „Братьев Карамазовых“, которая называется „Великий

инквизитор" и которую я считаю одной из гениальнейших вещей во всех литературах. <...>

Для меня лично значение Достоевского выше литературы. Он воплощает один из величайших инстинктов человечества — *альтруизм*. <...>

Что касается влияния, которое Достоевский мог оказать на бельгийскую литературу, то я не считаю, что оно было особенно значительно. <...> Сам же я подвергся его глубокому влиянию (наряду с влиянием Флобера) и поддаюсь ему все более и более.

Я питаю пристрастие к слабым, но борющимся людям; к людям, несправедливо обреченным на горести; к личностям, не преуспевающим в жизни; к неудачникам; к безвестным существам, которых никто не замечает и которых презирают за то, что они не в состоянии овладеть враждебными обстоятельствами. Это пристрастие пришло ко мне от Достоевского вместе с психологическим анализом. <...>

Приведенные выше выдержки из писем бельгийских литературных деятелей периода первой мировой войны дают довольно отчётливое представление о том, как воспринималось творчество Достоевского в маленькой, но богатой культурными традициями Бельгии. Некоторые из этих суждений выходят за пределы локальной темы и освещают те пути, которыми великий русский писатель за короткое время перешёл от полумызвестности к мировому признанию, затмив на Западе своим именем все другие литературные имена.

Ф. СЕЛИЦКИЙ

ДОСТОЕВСКИЙ И ПОЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ

В 1927 г. в польском еженедельнике «Литературные известия» было помещено следующее замечание на тему о влиянии Достоевского на мировую литературу: «Когда через пятьдесят лет на семинарах по истории литературы начинающие студенты будут писать работы „О влиянии Достоевского на роман первой половины XX века“, они придут к выводу, что не было в те отдаленные времена ни одного писателя <...> которого польза было бы характеризовать путем определения его отношения к творчеству автора „Братьев Карамазовых“, романы которого, по мнению польского исследователя, волновали <...> почти каждого европейского писателя».¹

И действительно, стоило бы начать такие исследования (в отдельных случаях они уже начаты). В настоящей статье мы по-

¹ Reichertówna R. Niemiecka monografia o Dostojewskim. [Пер. на кн.: J. Meier-Graefe. Dostojewski der Dichter. Berlin, 1926]. — *Wiadomości Literackie*, 1927, № 46, s. 2.

кажем (по необходимости очень бегло) отношение польских писателей к Достоевскому и отметим, у кого из них критика констатировала то или иное влияние великого русского романиста.

Следы интереса к творчеству Достоевского можем найти уже у Ю. И. Крашевского, в библиотеке которого был французский перевод повести «Кроткая». О сравнительно широкой известности, какой Достоевский пользовался в кругу тогдашних польских писателей, свидетельствует и некролог по поводу его кончины, написанный поэтом и прозаиком А. Плугом и помещенный в варшавском журнале «Клосы». В нем русский романист был назван знаменитым писателем и благородным человеком.

Э. Ожешко, как можно полагать на основании ее переписки, относилась к Достоевскому равнодушно, хотя и признавала черты гениальности в его творчестве. Зато восторженно отзывалась о нем Б. Прус. Он считал, что Достоевский стоит гораздо выше современных ему писателей Запада. Особенно поразило его «Преступление и наказание», отдельные образы которого мы встречаем не однажды в фельетопах Пруса. Тогдашняя критика не без основания отмечала влияние русского писателя на Пруса, которое сказалось на «психологической технике» его романа «Кукла» (применение внутренних монологов и экспонирование состояний подсознания).

Русский критик (Л. Шенелевич) и польский (Т. Парницкий) видели также сходство между «Преступлением и наказанием» и романом Г. Сенкевича «Без догмата», проявившееся в образах их главных героев — Раскольников и Плоховского, хотя и отмечали кардинальное различие эстетических взглядов обоих писателей.

Из менее крупных польских прозаиков конца XIX в. заметное влияние Достоевского (его «Записок из Мертвого дома», в частности) испытал А. Шиманьский, автор известного цикла рассказов из жизни ссыльных в Сибири.

Большим энтузиастом великого русского писателя, называвшим его «Шекспиром романа», был Ст. Пшибышевский. Но Пшибышевского увлекала в творчестве Достоевского лишь его психопатологическая сторона. Он унаследовал «достоевщину», и это привело его к крайнему декадентству.

Иначе надо оценить влияние Достоевского на С. Жеромского, о котором писали многие критики. Жеромский обратил внимание прежде всего на то, что, как он записал в своем дневнике, «музой Достоевского как поэта является милосердие». В отличие от Пшибышевского Жеромского как будущего автора «Бездомных» взволновала общественная и этическая сторона произведений создателя «Униженных и оскорбленных», которая очень сильно сказалась на творчестве польского писателя. Кроме того, Жеромский следовал Достоевскому в приемах анализа человеческой психики, в технике изображения персонажей (особенно женских), в исполненных экспрессии зарисовках с натуры, в скло-